

ОТЗЫВ

о диссертации Сарача Хакана «Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Диссертационное исследование Хакана Сарача концептуально выстроено в традициях лингвокультурологического анализа фразеологии, заложенных в работах В.Н. Телия и продолженных ее учениками. На это указывают методы анализа, терминологический инструментарий, цитируемые работы.

Центральным для диссертации является понятие *кода культуры*, которое профилирует включенность культурного компонента в концептуальное описание фразеологизмов и позволяет объединять их на основании общности культурной семантики. Понятие *код культуры* было использовано в комментариях к фразеологическим единицам и экспериментально апробировано в «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия. Оно также оказалось терминологически уместным в сопоставительных лингвокультурных исследованиях. Теоретическая ценность рецензируемой работы во многом определяется именно тем, что диссертация является сопоставительным исследованием, которое позволяет анализировать и описывать разные лингвокультуры, в данном случае – русскую и турецкую.

Отмечу также удачный выбор темы: природные объекты и явления символически осмысляются и переосмысляются, их наделяют культурными смыслами. Традиция была заложена еще в древнейших мифологиях. Это дает основание прогнозировать высокую культурную специфику рассматриваемых единиц при безусловном наличии общих универсальных смыслов.

Выбранный материал исходно обладает высокой репрезентативностью культурных смыслов, проявляющихся во фразеологизмах. Было бы правильно в связи с этим несколько сузить название темы диссертации, и вместо «на материале русского и турецкого языков» использовать «на материале русских и турецких фразеологизмов». Это согласуется и с позицией самого автора, который во Введении пишет: «Материалом работы служат фразеологические единицы русского и турецкого языков» (с. 7).

Теоретическую и практическую ценность рецензируемой работы составляет также обращенность к лексикографии и возможность использовать анализируемый материал при создании русско-турецкого лингвокультурологического словаря.

Диссертация Хакана Сарача четко структурирована, хорошо определены задачи и предлагаемые методы решения. Первая глава посвящена общим вопросам лингвокультурологии и ключевым для данной работы понятиям *код культуры* и *фразеологизм*. Во второй главе анализируется общая проблематика, связанная с описанием природно-ландшафтного кода. Сопоставительный анализ фразеологизмов проводится в третьей главе. В Приложениях списком даны отобранные для анализа фразеологизмы, а также рассматриваются единицы, культурная семантика которых слабо выражена в одной из лингвокультур: в русской или в турецкой. Например, фразеологизмы с опорным компонентом *поле* снабжены, в частности, таким комментарием: «Для русского народа 'поле' является чрезвычайно важным образом, что нехарактерно для турецкого народа» (с. 171). Выявление несовпадающих объемов культурной семантики у разных языковых единиц русской и турецкой лингвокультур представляет несомненный интерес.

Хотелось бы отдельно отметить у диссертанта хорошее владение методами лингвокультурной интерпретации и тонкое чувство русского языка.

К числу заслуг диссертанта можно отнести подробное и вместе с тем не перегруженное информацией аналитическое описание собственно

лингвокультурологического направления, а также сами интерпретации фразеологических единиц, которые в большинстве своем точны. Прделана серьезная работа, связанная с подбором турецких эквивалентов к русским фразеологизмам и сопоставлением их культурной семантики.

В целом, диссертационное исследование Хакана Сарача представляет собой законченный труд, в котором были достигнуты поставленные цели и решены перечисленные во Введении задачи.

Некоторые положения я хотела бы прокомментировать. Они касаются аналитической части работы и отдельных интерпретаций.

В разделе, посвященном языковой картине мира, было бы полезно остановиться, хотя бы кратко, на таких влиятельных для современной лингвистики работах как «Русская языковая картина мира и системная лексикография», изданная под ред. Ю.Д. Апресяна; А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев «Ключевые идеи русской языковой картины мира». Обе монографии отсутствуют в списке литературы. Культурной специфике идиом посвящено несколько работ Д.О. Добровольского, что также имело бы смысл как минимум упомянуть, тем более, что в его публикациях не просто затрагивается, но и прорабатывается контрастивный аспект описания фразеологизмов.

С некоторыми из предлагаемых автором интерпретаций фразеологизмов сложно согласиться. Например, в диссертации указывается, что «Лес' и 'Orman' выступают как эталон неизвестного, запутанного и непостижимого для человека (см. в русск.: *За деревьями не (у)видеть леса* и др., в турецк.: *Orman taşlamak (Забросать камнями лес)*). Словари толкуют этот фразеологизм следующим образом: 'Обращая внимание на второстепенное, не замечать главного', определяя его как заимствование из немецкого языка (цитата из поэмы К.М. Виланда «Музарион, или Философия граций», позже повторенное им же в «Истории абдеритов»). *Лес* в данном случае не может выступать эталоном неизвестного, запутанного. Он постулирует образ очевидного и главного, что не дано воспринять тому, кто слишком

увлекается второстепенным и частным. Фразеологизм может употребляться в высказываниях иронически. Это свидетельствует о том, что пресуппозиция высказывания содержит утверждение о самоочевидности главного, образно выраженного с помощью лексемы *лес*.

Не вполне корректно дана следующая интерпретация: «Единица ‘море’ в русской фразеологии связана с представлением о бездействии и пассивном ожидании чего-либо: (см. в русск.: <Сидеть и> *ждать у моря погоды*)». Бездействие здесь выражено глаголами: *сидеть* и *ждать*, т.е. ‘не действовать’. Можно сказать: *Мне ничего не остается делать, только сидеть и ждать* (ср. ткж. *сидеть сложа руки*). На это, в частности, указывает и культурологический комментарий во фразеологическом словаре под ред. В.Н. Телия. Если же говорить о характеристике *моря* в данном фразеологизме, то это – непредсказуемая переменчивость погоды.

При описании культурно маркируемых единиц важно отличать связанные с образной составляющей элементы значения от импликаций. Например, в русской лингвокультуре *болото* (как утверждается в диссертации) связано с представлением о напрасной трате физических и моральных сил. Это скорее импликация. Семантика соотнесена с образом стоячей воды – нет движения, действия, перемен, что рождает ощущение затхлости. Характерно, что словосочетания *болотный запах, запах болота, вода из болота* имеют отрицательные коннотации и включают в себя смысловой компонент ‘испорченности’. Соответственно образ *болота* соотнесен в первую очередь с отсутствием развития, которая приводит к общей ситуации испорченности, а уже логическим выводом (импликацией) может стать напрасная трата физических и моральных сил.

Описывая фразеологизм *море по колено*, автор отмечает, что «‘море’, <...> символизирует неизвестное и неосвоенное пространство, удаленное от «человеческого» мира. Компонент ‘колено’ относится к соматическому коду культуры, принадлежит телесному низу и выступает эталонном наименьшей величины в вертикальной пространственной модели мира. В образе

фразеологизма метафора строится на противопоставлении двух «метрических» единиц, выступающих эталонами максимально большого ('море') и крайне малого ('колени'). *Колени*, вероятно, нельзя называть «эталонным малым в вертикальной пространственной модели мира», ср., например, *утонуть в снегу по колени*, *грязи по колени*, где *колени* выступает как мера, описывающая слишком большую (аномальную) глубину снега, грязи. Размерность во фразеологизме задается образом *моря* большого и, что существенно, очень глубокого, в котором легко утонуть. Именно в соотношении с глубиной *моря* размер *по колени* представляется ничтожно малым, а импликация 'в море легко утонуть' мотивирует в данном фразеологизме семантический компонент 'бесстрашие'.

Несколько частных замечаний.

На краю пропасти было бы интересно и оправданно рассмотреть параллельно с фразеологизмом *на краю бездны*.

Не совсем понятно, почему при трехчастном делении пространства на «поверхность земли, над землей, под землей» *болото* и *омут* попадают в группу «под землей».

При отборе фразеологизмов было бы хорошо учитывать частотность их употребления в современных текстах и это особо отмечать, например, *обсевок в поле* – имеет низкую частотность. Согласно данным НКРЯ с 1960 года оно ни разу не употреблялось.

Возникает также вопрос, не следует ли оппозицию «свое – чужое» при описании фразеологизмов, относящихся к природно-ландшафтному коду культуры, выносить за скобки? Ведь любой природный объект, не окультуренный человеком (а именно такие единицы рассматриваются), относится к чужому пространству.

Высказанные соображения касаются преимущественно частных, за которыми, однако, виден лес. Они в коей мере не влияют на общую весьма положительную оценку работы. У меня нет сомнения, что диссертация Сарача Хакана «Природно-ландшафтный код культуры (на материале

русского и турецкого языков)» выполнена на хорошем теоретическом и практическом уровне. Автореферат и опубликованные работы адекватно отражают содержание диссертации.

Полученные Сарачем Хаканом научные результаты в целом соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.19 – теория языка.

Диссертация Сарача Хакана «Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков)», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, соответствует критериям, установленным пп. 9, 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для развития лингвокультурологического направления в русле сравнительно-сопоставительных исследований. Автор, работы, Сарач Хакан, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской словесности и
межкультурной коммуникации,

ФГБОУ ВПО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»

/Н.Г. Брагина/

Сведения об оппоненте:

Брагина Наталья Георгиевна,

доктор филологических наук, профессор,

профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации,

ФГБОУ ВПО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»

Домашний адрес: 119021, Москва, Оболенский пер. Д. 9., корп. 18, кв.43

E-mail: NGBragina@pushkin.institute

Дом. тел. 8-499-255-70-19

Рабочий адрес: ФГБОУ ВПО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»,

9 сентября 2016 г.

Подпись Н.Г. Брагина

УДОСТОВЕРЯЮ

Ученый секретарь

М.С. Милованова
(подпись)

117485, Москва,

ул. Академика Волгина, 6

Раб. тел.: +7 (495) 330-88-01

E-mail: inbox@pushkin.institute

Сайт Института: <http://www.pushkin.institute/>

Публикации:

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007.

Брагина Н.Г. Опыт культурной реконструкции мотивационной базы фразеологизмов (фразеологизмы с компонентом *душа / сердце*). // Фразеология в языкознании и других науках. / Ред Erika Kržišnik, Wolfgang Eismann. Любляна, 2007. С. 219-233. 15 с.

Брагина Н.Г. Речевые фразеологизмы как объект культурного комментирования. // Славянская фразеология и прагматика. Zagreb, Knjigra 2007. с. 254-259.

Брагина Н.Г. Понятие *межкультурного диалога* и кросс-культурное понимание фразеологизмов. // *Frazeološka simfonija. Sodobni pogledi na frazeologijo*. Ljubljana 2013. (Коллективная монография - 283 с.) – С. 181- 189.